

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPEENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «Н.О. ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 84022/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 февраля 2021 года

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «Н.О. ПРОТИВ РОССИИ»

В деле «Н.О. против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Комитетом, в состав которого вошли:

Дариан Павли, *Председатель,*

Дмитрий Дедов,

Пеэтер Роосма, *судьи,*

и Ольга Чернышова, *Заместитель Секретаря Секции,*

Принимая во внимание:

жалобу (№ 84022/17) против Российской Федерации, поданную 15 декабря 2017 года в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином Узбекистана г-ном Н. О. (далее - «заявитель»);

решение о направлении уведомления о жалобе властям Российской Федерации (далее - «Власти»);

решение не разглашать имя заявителя;

решение о предписании временной обеспечительной меры государству-ответчику в соответствии с правилом 39 Регламента Суда;

замечания сторон;

проведя 12 января 2021 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утверждённое в вышеназванный день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Это дело касается административного выдворения в Узбекистан заявителя, обвиняемого в совершении преступлений по политическим и религиозным мотивам, и поднимает вопросы, связанные со статьями 3 и 13 Конвенции. Оно также касается невыполнения российскими властями обеспечительной меры, указанной в Правиле 39 Регламента Суда.

ФАКТЫ

2. Заявитель родился в 1989 году. Его интересы представляли адвокат г-н Т. Широков, практикующий в Москве, и правозащитник г-н Б. Хамроев. Заявление было подано г-ном Б. Хамроевым от имени заявителя.

3. Интересы Властей представлял г-н М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

4. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

А. Процедура выдворения

5. В августе 2013 года заявитель был обвинен в Узбекистане в вербовке узбекских граждан в Исламское движение Туркестана и содействии их поездкам в лагеря подготовки террористов в Пакистане. Узбекские власти вынесли постановление об объявлении его в розыск.

6. 7 декабря 2017 года заявитель был освобожден и сразу же повторно арестован за нарушение миграционных правил.

7. 8 декабря 2017 года Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга вынес постановление о выдворении заявителя и содержании его под стражей до исполнения данного постановления. Заявитель, присутствовавший на судебном заседании и представленный адвокатом К., признал свою вину в нарушении миграционных правил.

8. Заявитель был помещен в специализированный центр содержания для иностранцев.

9. 25 декабря 2017 года Районный суд вернул ходатайство о приостановлении действия постановления о выдворении, поскольку к нему не была приложена действительная доверенность.

10. Из материалов дела следует, что в неустановленную дату в секретариат Районного суда была подана ксерокопия апелляционной жалобы на вышеуказанное постановление о выдворении, которая впоследствии была направлена в апелляционный суд.

11. 23 января 2018 года Санкт-Петербургский городской суд, заседа в составе одного судьи, прекратил апелляционное производство, поскольку оригинал отксерокопированной апелляционной жалобы так и не поступил в апелляционный суд, а заявитель не подавал никаких апелляционных жалоб через администрацию учреждения, где он содержался под стражей.

12. 25 января 2018 года заявитель был выслан в Узбекистан.

В. Производство в Суде

13. 11 декабря 2017 года г-н Б. Хамроев подал ходатайство от имени заявителя в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, требуя приостановить его выдворение в Узбекистан. Ходатайство, отправленное по почте, поступило в Суд 15 декабря 2017 года. К нему прилагался заполненный бланк доверенности от 8 декабря 2017 года.

14. 21 декабря 2017 года Суд решил, что ходатайство было преждевременным, и отклонил его.

15. 14 января 2018 года г-н Б. Хамроев подал еще одно ходатайство об обеспечительной мере. Запрос, отправленный по почте, поступил в Суд 18 января 2018 года. К нему прилагался заполненный бланк доверенности от 12 января 2018 года.

16. 19 января 2018 года Суд решил «в интересах сторон и надлежащего осуществления производства по делу указать Властям

Российской Федерации в соответствии с правилом 39, что заявитель не должен подвергаться выдворению на период рассмотрения дела в Суде». Г-ну Б. Хамроеву было предложено представить надлежащим образом заполненный формуляр жалобы до 15 февраля 2018 года.

17. 6 февраля 2018 года г-н Б. Хамроев сообщил Суду, что, посетив центр временного содержания [иностранцев], он узнал о факте выдворения заявителя.

18. 13 февраля 2018 года г-н Б. Хамроев подал жалобу от имени заявителя. Доверенность была подписана г-ном Б. Хамроевым и г-ном Т. Широковым, выступавшими в качестве представителей; в графе, предназначенной для подписи заявителя, содержалась следующая пометка от руки: «заявитель был тайно перевезен в Узбекистан».

19. 16 февраля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 (а) Правила 49 Регламента Суда Суд запросил информацию у сторон к 9 марта 2018 года. Г-ну Б. Хамроеву было предложено сообщить Суду, находится ли он по-прежнему в контакте с заявителем или его ближайшими родственниками. Властям Российской Федерации было предложено проинформировать Суд о том, был ли заявитель выслан (депортирован или экстрадирован) в страну своего происхождения.

20. 6 марта 2018 года Власти проинформировали Суд о том, что заявитель был выдворен в Узбекистан 25 января 2018 года.

21. 7 марта 2018 года г-н Б. Хамроев направил в Суд письмо. В части письма, относящейся к вышеупомянутому запросу о предоставлении информации, содержится следующее:

«По сведениям дяди Н.О. ... [номер мобильного телефона], проживающего в Туле [Россия], Н.О. действительно находится в Узбекистане в Каршинском СИЗО, [и] его родственники его не видели. Власти Узбекистана отказываются [разрешать] визиты к Н.О.

[Я] также предоставляю информацию о назначенном адвокате в Узбекистане: [номер мобильного телефона и имя адвоката]».

22. 3 сентября 2018 года Суд уведомил о данной жалобе российские власти, которые представили свои замечания 16 января 2019 года.

23. 4 марта 2019 года г-н Широков представил свои замечания в ответ. В представлении содержалась ссылка на телефонный разговор с защитником заявителя в Узбекистане, который представил краткий отчет о выдворении заявителя и предполагаемом жестоком обращении с ним в Узбекистане, а также дал понять, что он имел телефонный контакт с заявителем. Никаких подробностей о дате и обстоятельствах беседы, а также о личности защитника Суду предоставлено не было.

24. 21 июня 2019 года в соответствии с пунктом 3 (а) Правила 49 Регламента Суда Суд предложил г-ну Широкову представить информацию о том, поддерживал ли он контакт с заявителем и/или его ближайшими родственниками и желает ли заявитель оставить свою жалобу в силе. Его также попросили указать, когда он в последний раз контактировал с заявителем, и представить документальные

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «Н.О. ПРОТИВ РОССИИ»

доказательства, подтверждающие его позицию.

25. 13 июля 2019 года г-н Хамроев направил в Суд следующее письмо от 7 июля 2019 года.

«Мы, в частности, представитель - правозащитник Бахром Хамроев - поддерживаем связь с матерью и родственниками [заявителя] по телефону [номер мобильного телефона].

Родственники [заявителя] направили прилагаемые письма] правозащитнику Бахрому Хамроеву через мессенджер WhatsApp.

[Заявитель поддерживает жалобу и требования]».

Письмо г-на Хамроева сопровождалось двумя фотографиями записок от руки, предположительно написанных заявителем и датированных 12 февраля 2019 года и 8 июля 2019 года. В записках содержался краткий отчет о выдворении заявителя в Узбекистан и предполагаемом жестоком обращении с ним в этой стране, а также указывалось, что он хотел бы, чтобы рассмотрение жалобы продолжалось. Оригиналы этих записок Суду представлены не были.

26. 31 июля 2019 года Власти представили свои замечания по вышеуказанным представлениям. Они заявили, что письмо не подкреплено никакими «весомыми доказательствами» и само по себе не может считаться доказательством. Власти далее подчеркнули, что хотя между заявителем, его родственниками, представителями и адвокатами предположительно существовали контакты, никакие доказательства не подтверждали эти утверждения.

ПРИМЕНИМАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА

27. Применимое национальное законодательство кратко изложено в постановлении Суда по делу «Акрам Каримов против Российской Федерации» (Akram Karimov v. Russia) (жалоба № 62892/12, пункты 88-100, 28 мая 2014 года).

ПРАВО

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

28. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, Суд считает необходимым прежде всего рассмотреть необходимость продолжения рассмотрения жалобы в соответствии с критериями, установленными статьей 37 Конвенции. Это положение гласит следующее:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

(а) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «Н.О. ПРОТИВ РОССИИ»

- (b) спор был урегулирован; или
- (c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней.

2. Суд может принять решение восстановить жалобу в списке подлежащих рассмотрению дел, если сочтет, что это оправдано обстоятельствами.»

29. Суд повторяет, что представитель заявителя должен не только представить доверенность или письменный документ о полномочиях (пункт 3 правила 45 Регламента Суда), но важно также поддерживать контакт с заявителем на протяжении всего разбирательства. Такой контакт необходим как для того, чтобы узнать больше о конкретной ситуации заявителя, так и для подтверждения постоянного интереса заявителя в продолжении рассмотрения его жалобы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 17 ноября 2016 года по делу «В.М. и другие против Бельгии» (*V.M. and Others v. Belgium*) (исключение из списка дел, подлежащих рассмотрению), жалоба № 60125/11, пункт 35).

30. В ряде дел, в рамках которых заявитель не был в контакте напрямую с Судом, Суд постановил, что для представителей крайне важным является продемонстрировать, что они получили конкретные и четкие инструкции от предполагаемых жертв по смыслу статьи 34 Конвенции, от имени которых они предположительно действуют (см. дело «В. М. и другие», упомянутое выше, и решение Европейского Суда от 15 мая 2012 года по делу «Каур против Нидерландов» (*Kaur v. the Netherlands*), жалоба № 35864/11, пункт 14; решение Европейского Суда от 29 апреля 2010 года по делу «К. М. и другие против Российской Федерации» (*K.M. and Others v. Russia*), жалоба № 46086/07; решение Европейского Суда от 13 сентября 2011 года по делу «Кетин против Турции» (*Çetin v. Turkey*), жалоба № 10449/08; и постановление Европейского Суда от 24 марта 2020 года по делу «Асади и другие против Словакии» (*Asady and Others v. Slovakia*), жалоба № 24917/15, пункты 40-42,).

31. Ранее Суд постановил, что он не может игнорировать в целом нестабильные условия жизни просителей убежища и другие события, которые могут временно помешать общению между законным представителем и заявителями (см. постановление Европейского Суда от 21 октября 2014 года «Шарифи и другие против Италии и Греции» (*Sharifi and Others v. Italy and Greece*), жалоба № 16643/09, пункт 131). Так, Суд признал, что контакт между законным представителем и заявителями имел место через третьих лиц в случаях, где такой контакт был регулярным и подтверждался соответствующими документами (там же, пункт 130). Однако Суд исключил жалобы из списка дел,

подлежащих рассмотрению, в связи с отсутствием контакта между заявителями и их законным представителем, в случаях, где информация о местонахождении заявителей или обстоятельствах контакта оказалась недостаточной, противоречивой или необоснованной (там же, пункты 129, 133). Например, Суд счел доказательство контакта необоснованным в тех случаях, когда заявители или их законный представитель не представили каких-либо документов, подтверждающих их правовой статус, или когда они предоставили только ссылку на учетную запись заявителя в Facebook без дальнейших объяснений (там же, пункт 129). Недавно Суд в постановлении от 13 февраля 2020 года по делу «Н.Д. и Н.Т. против Испании» (N.D. and N.T. v. Spain) [Большая Палата] (жалобы № 8675/15 и № 8697/15, пункт § 74) в обстоятельствах этого дела, что контакт существовал, когда – в отсутствие доводов Властей об обратном – адвокаты заявителей предоставили подписанный и содержащий отпечатки пальцев документ о полномочиях, оставались на связи с ними по телефону и WhatsApp и передавали конкретные сообщения от заявителей во время слушания.

32. Крайне аналогичные факты и контекст уже были рассмотрены Судом в постановлении по делу «О.О. против России» (O.O. v. Russia) (жалоба № 36321/16, 21 мая 2019 г.). В этом деле Суд удовлетворился тем, что между представителями и заявителем, депортированным из России в Узбекистан в нарушение обеспечительной меры, поддерживался постоянный контакт (там же, пункт 37). Представители убедительно продемонстрировали наличие контакта следующими доказательствами: (i) подписанная и датированная записка от матери заявителя, написанная от руки; (ii) подписанные и датированные рукописные показания от заявителя, подтверждающие его желание сохранить жалобу в силе; (iii) подписанные и датированные рукописные показания от заявителя, описывающие его депортацию из России; (iv) подписанный и датированный отчет от адвоката заявителя в Узбекистане, в котором говорится, что во время его личной встречи с заявителем заявитель подтвердил как свое желание сохранить свою жалобу в силе, так и факты, изложенные в вышеуказанных показаниях, написанных от руки (там же, пункт 27).

33. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что в материалах дела нет ни одного документа, исходящего от самого заявителя, что ни г-н Хамроев, ни г-н Широков не участвовали в производстве по административному выдворению и что доверенности от 8 декабря 2017 года и 12 января 2018 года, якобы подписанные заявителем и предшествующие его выдворению в Узбекистан, были выданы на г-на Б. Хамроева.

34. Суд далее отмечает, что на г-на Широкова, который 4 марта 2019 года представил свои ответные замечания по настоящему делу, не было выдано ни одной доверенности с подписью заявителя. Имя г-на

Широкова впервые появилось в жалобе, поданной г-ном Хамроевым от имени заявителя 13 февраля 2019 года. Доверенность, включенная в формуляр жалобы, была подписана г-ном Хамроевым и г-ном Широковым в качестве представителей, а в графе, предназначенной для подписи заявителя, содержалась написанная от руки пометка «заявитель был тайно перевезен в Узбекистан».

35. Наконец, Суд принимает к сведению тот факт, что запросы от 16 февраля 2018 года и 21 июня 2019 года (см. пункты 19 и 24 выше), направленные на установление того, поддерживали ли предполагаемые представители контакт с заявителем и/или его ближайшими родственниками, не дали конкретных результатов. Ни в письмах от 7 марта 2018 года и 13 июля 2019 года, ни в замечаниях от 4 марта 2019 года не утверждалось о существовании какого-либо прямого контакта между г-ном Хамроевым и/или г-ном Широковым и заявителем (см. пункты 21, 23 и 25 выше). Ответы вышеуказанных представителей содержали ссылки на мать, дядю, родственников и адвоката заявителя в Узбекистане без четкой их идентификации, указания дат предполагаемого общения или предоставления показаний любого из этих лиц. Что касается фотографий рукописных заметок, предположительно написанных заявителем, то следует подчеркнуть, что оригиналы этих документов не дошли до Суда (см. пункт 25 выше). Важно отметить, что ни в какой момент времени г-н Хамроев или г-н Широков не утверждали, что они столкнулись с какими-либо реальными препятствиями в получении доказательств их контакта с заявителем или его ближайшими родственниками.

36. В свете вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что, в отличие от постановления по делу «О. О. против России» (упомянуто выше), представители в настоящем деле не смогли продемонстрировать наличие постоянного контакта с заявителем и тот факт, что они получили от него конкретные и четкие инструкции.

37. С учетом вышеизложенного и в соответствии с пунктом 1 (с) статьи 37 Конвенции Суд должен сделать вывод о том, что продолжение рассмотрения жалобы по статьям 3 и 13 Конвенции более не является оправданным. Суд также считает, что никакие конкретные обстоятельства, относящиеся к соблюдению прав, гарантированных Конвенцией или Протоколами к ней, не требуют от него продолжения рассмотрения жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 37 (*in fine*).

38. Соответственно, данное дело должно быть исключено из списка дел, подлежащих рассмотрению, в той части, которая касается жалоб в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции. Однако Суд отмечает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 37 Конвенции жалоба может быть восстановлена в списке дел, если обстоятельства оправдывают это.

39. Вместе с тем Суд остро осознает важность обеспечительных мер в системе Конвенции и их исключительный характер, требующий

максимального сотрудничества государства (см., прежде всего, дело «Савриддин Джураев против Российской Федерации» (Savriddin Dzhurayev v. Russia), жалоба № 71386/10, пункты 212-13, ECHR 2013 (выдержки)). Учитывая прочно устоявшиеся применимые принципы и важность соблюдения обеспечительных мер для механизма Конвенции, Суд приходит к выводу в свете пункта 1 статьи 37 (*in fine*), что уважение прав человека, определенных в Конвенции, требует продолжения рассмотрения жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРАВО НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖАЛОБЫ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 34 КОНВЕНЦИИ

40. Представители заявителя жаловались на то, что его выдворение в Узбекистан было нарушением обеспечительных мер, указанных Судом в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда. Это утверждение, в котором основное внимание уделяется вмешательству в право на подачу индивидуальной жалобы, подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 34 Конвенции, которая гласит следующее:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

41. Правило 39 Регламента Суда предусматривает:

1. «По обращению стороны в деле или любого другого заинтересованного лица, либо по своей инициативе Палата или в соответствующих случаях Председатель Секции или специально назначенный судья в соответствии с пунктом 4 настоящего правила вправе указать сторонам на любые обеспечительные меры, которые, по их мнению, следует принять в интересах сторон или надлежащего порядка проведения производства по делу.

2. В случае необходимости немедленное уведомление о мерах, принятых в конкретном деле, может быть направлено Комитету министров.

3. Палата или при необходимости Председатель Секции или специально назначенный судья в соответствии с пунктом 4 настоящего правила вправе запросить у сторон информацию по любому вопросу, связанному с выполнением любой указанной обеспечительной меры...»

42. Суд повторяет, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся Государства обязуются воздерживаться от любых действий или бездействия, которые могут препятствовать эффективному осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, которое, как последовательно подтверждается, представляет собой краеугольный камень системы Конвенции. Согласно сложившейся прецедентной практике Суда несоблюдение государством-ответчиком обеспечительной меры влечет за собой нарушение этого права

(см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (Mamatkulov and Askarov v. Turkey), жалобы № 46827/99 и № 46951/99, пункты 102 и 125, ECHR 2005-I; см. также, из более поздних, постановление Европейского Суда от 1 февраля 2018 года по делу «М. А. против Франции» (M.A. v. France), жалоба № 9373/15, пункты 64-65, и постановление Европейского Суда от 19 апреля 2018 года «А.С. против Франции» (A.S. v. France), жалоба № 46240/15, пункты 72-75).

43. Власти в своих представлениях заявили, что письмо Суда с предписанием обеспечительной меры в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда было получено в пятницу 19 июня 2018 года¹ в 17:31, то есть после обычного рабочего времени. 22 января 2018 года, после того как «были проведены необходимые и неизбежные процедуры», информация об этой мере была направлена компетентным органам, которые получили эту информацию 24 января 2018 года.

44. Не оспаривается, что депортация заявителя произошла 25 января 2018 года - через шесть дней после предписания 19 января 2018 года обеспечительной меры в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, через три дня после того, как информация о данной мере была направлена компетентным органам 22 января 2018 года, и на следующий день после того, как власти получили эту информацию 24 января 2018 года. Было также установлено, что после предписания Судом этой меры Аппарат Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека был надлежащим образом уведомлен об этом и передал эту информацию компетентным органам по обычным каналам связи.

45. Нет никакой неопределенности относительно способа перевозки заявителя в Узбекистан, поскольку это произошло в ходе обычных действий, направленных на приведение в исполнение постановления о выдворении от 8 декабря 2017 года. В этом отношении настоящее дело значительно отличается от ряда ранее рассмотренных дел, когда неисполнение обеспечительной меры имело место в контексте: исчезновения заявителя (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2014 г. по делу «Мамажонов против Российской Федерации» (Mamazhonov v. Russia), жалоба № 17239/13, пункты 173-209), незаконного принудительного перевоза неустановленными лицами при пассивном или активном участии государственных агентов (см. дело «Савриддин Джураев», упомянутое выше, пункты 177-85, 197-204, 214-19), или иного действия, выходящего за рамки нормального функционирования правоохранительных органов (см. постановление Европейского Суда от 7 ноября 2013 года по делу «Ермаков против Российской Федерации» (Ermaikov v. Russia), жалоба № 43165/10, пункты

---

¹ Прим. переводчика: так в постановлении. Очевидно, имеется в виду 19 января 2018 г.

212-17, , или постановление Европейского Суда от 21 мая 2015 года по делу «Мухитдинов против Российской Федерации» (*Mukhitdinov v. Russia*), жалоба № 20999/14, пункты 69-72).

46. Вопросы, касающиеся межведомственной связи между российскими органами власти и наличия «необходимых и неизбежных процедур» для передачи информации об обеспечительных мерах, представляются актуальными для анализа соблюдения государством предписания обеспечительной меры. Однако Суд не считает необходимым рассматривать эти вопросы в настоящем деле.

47. Следует признать, что практические аспекты обмена информацией между различными ведомствами могут представлять определенные трудности для немедленного осуществления обеспечительной меры, указанной Судом (см. дело «*О.О. против Российской Федерации*», упомянутое выше, пункт 61). Однако представляется, что шестидневный срок в настоящем деле – включая три рабочих дня – сам по себе, а также при его рассмотрении в контексте имеющихся современных технологий был вполне достаточным для того, чтобы все компетентные и соответствующие органы власти были уведомлены о том, что высылка заявителя в Узбекистан была приостановлена Судом.

48. Приведенные выше соображения позволяют Суду сделать вывод о том, что ничто объективно не препятствовало соблюдению меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и что, не соблюдая эту меру, российские власти не выполнили своих обязательств по статье 34 Конвенции.

III. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

49. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, в частности выдворение заявителя в Узбекистан в нарушение обеспечительной меры, Суд считает целесообразным прекратить применение вышеуказанной обеспечительной меры к российским Властям.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

50. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

51. Представитель заявителя потребовал 26 500 евро в качестве компенсации морального вреда и 564 евро в качестве компенсации материального ущерба. Он также попросил, чтобы все суммы были переведены на его банковский счет.

52. Власти утверждали, что требование о возмещении материального ущерба является необоснованным.

53. Суд, принимая во внимание вышеуказанные выводы в соответствии со статьей 34 Конвенции и свою прецедентную практику по данному вопросу (см., например, дело «*О.О. против Российской Федерации*», упомянутое выше, пункт 69) присуждает заявителю 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда и считает наиболее целесообразным, чтобы эта сумма была выплачена непосредственно ему или лицу, должным образом уполномоченному им. Суд также отклоняет требование о компенсации материального ущерба как не имеющее отношения к характеру настоящего дела.

В. Расходы и издержки

54. Представители заявителя не заявляли никаких требований о возмещении расходов и издержек. Поэтому Суд считает, что отсутствуют основания для вынесения решения по этому вопросу.

С. Проценты за просрочку платежа

55. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежа в размере, равном предельной учётной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решил* исключить из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобы заявителя в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции и продолжить рассмотрение жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции;
2. *Постановил*, что государство-ответчик не выполнило обеспечительную меру, указанную Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и поэтому не исполнило своих обязательств по статье 34 Конвенции;
3. *Решил* прекратить применение обеспечительной меры, указанной Властям в соответствии с правилом 39 Регламента Суда;

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «Н.О. ПРОТИВ РОССИИ»

4. *Постановил:*

- (a) что государство-ответчик в течение трех месяцев обязано выплатить непосредственно заявителю или лицу, должным образом уполномоченному им, 10 000 евро (десять тысяч евро), переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве компенсации морального вреда;
- (b) что с момента истечения вышеуказанного трёхмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки платежа, плюс три процентных пункта.

5. *Отклонил* остальные требования заявителя в отношении справедливой компенсации.

Составлено на английском языке. Уведомление о постановлении направлено в письменном виде 2 февраля 2021 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель Секретаря Секции

Дариан Павли
Председатель